

УДК 39

Е.П. Мартынова

«ЧУЖИЕ» В ТАЗОВСКОЙ ТУНДРЕ

На основе полевых материалов автора, собранных среди ненцев-оленьеводов Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа рассматривается градация категории «чужие» в представлениях жителей тундры. Приводятся характеристики, которыми пастухи наделяют работников нефтегазового комплекса («чужие»), мигрантов с Кавказа и Средней Азии («иные чужие»), оленьеводов соседней тундры («свои чужие»), другие группы ненецкого населения («иные свои»).

Работники промышленных компаний воспринимаются жителями тундры как чужаки, временные пришельцы, посягающие на пастбища – основу жизни оленей, а значит, и оленьеводов с семьями. Именно это обстоятельство является основной причиной их негативной оценки. Оленьеводы считают, что они не только загрязняют тундру, но часто обманывают, способны к насильственным действиям. Подобными характеристиками тазовские оленьеводы наделяют иноэтнических мигрантов с Кавказа и Средней Азии, а также оленьеводов из соседней гыданской тундры, которые недавно стали использовать их пастбищные угодья.

Ключевые слова: народы Севера, оленьеводы, отношение к «чужим».

Представления о разделении окружающего населения на «своих – чужих» существуют в любой культурной традиции. Эти понятия-антонимы у носителей той или иной культуры вызывают вполне конкретные и определенные ассоциации. Первое из них связано с подлинностью, изначальностью, правильностью и, как отметил С.В. Соколовский, «вообще со всем тем, с чем у нас ассоциируется седая старина, мудрость старейшин, чистота истоков, верность себе, надежность и даже истина». Второе же зачастую ассоциируется с дисгармонией, нарушением устоявшегося порядка, грязью и гамом, приносимыми «понаехавшими» и «нездешними», вообще с пришельцами почти неземной цивилизации [1. С. 189]. Определение «свои – чужие» весьма динамично, поскольку границы между этими категориями подвижны. Среди «чужих» и «своих» можно обнаружить множество типов и нюансов. В данной работе речь пойдет о градации категории «чужие» в представлениях тазовских ненцев-оленьеводов.

В основу статьи положены полевые материалы автора, собранные в 2011 г. во время проведения этнологической экспертизы в связи с проектированием и последующим строительством на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа объектов «Трубопроводная система «Заполярье – НПС «Пур-Пе» и «Трубопроводная система «Заполярье – НПС «Пур-Пе». Сеть связи»¹. При опросах населения основное внимание уделялось изучению социально-экономической и этнокультурной ситуации в регионе. Исползованные в статье данные собирались попут

но, в ходе опросов информантов об их отношении к нефтегазовому освоению. Прежде чем перейти к рассмотрению заявленной проблемы, кратко остановлюсь на общей характеристике района и его населении.

Тазовский район является одним из северных районов в составе Ямало-Ненецкого автономного округа, расположен за Полярным кругом. До начала 1970-х гг. ненцы составляли более половины его населения. Большая их часть была занята в оленьеводстве, рыболовстве и вела традиционный образ жизни. Промышленное освоение территории Тазовского района началось в 1970-е гг. Сейчас там открыто и работает 31 месторождение газа, крупнейшие из которых – Ямбургское НГК и Заполярное НГК. Действуют такие крупные предприятия нефтегазового комплекса, как «Газпром-добыча Ямбург», «Норильск-газпром», «Тюмень-нефтегаз», «Ямал-нефтегаздобыча», «Лукойл – Западная Сибирь», «ТНК», «НОВАТЭК» и другие. Бурное развитие нефтегазового комплекса повлекло за собой изъятие земель традиционного природопользования, сократились возможности для занятий оленьеводством, рыболовством, охотой, усилилось загрязнение окружающей среды.

По данным за 2011 г., численность населения района составляет 16,5 тыс. чел., из них русских – 31,3%, украинцев – 6,9%, белорусов – 0,7%, татар – 3,0%, азербайджанцев – 1,3%, ненцев – 51,7%, хантов – 0,2%. Всего в районе проживают представители более 30 национальностей. Безусловно, основной характеристикой современного населения региона является его полиэтничность. Тем не менее уникальность этого заполярного края во многом определяется тем, что на его тер-

¹ Работа велась совместно с Н.И. Новиковой

ритории проживают ненцы, относящиеся к группе «коренные малочисленные народы Севера». Их численность в районе составляет 7600 человек. Тазовский сегодня считается самым «ненецким» их всех районов ЯНАО, причем более двух третей представителей этого народа (5300 человек, более 1170 семей) ведут кочевой образ жизни, сохраняют язык и традиции. Представители именно этой категории ненецкого населения стали основными информантами автора, их глазами «из тундры» я постаралась посмотреть на «других». Поскольку в центре внимания моих бесед с пастухами оказывались проблемы, связанные с интенсивным промышленным освоением региона, начну с категории «чужих», связанных со сферой газо- и нефтедобычи.

«Чужие». В современных условиях контакты ненцев-оленеводов с представителями промышленных предприятий, ведущих деятельность в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности, неизбежны и давно стали важной составляющей их жизни. В ходе опросов оленеводов выяснилось, что с людьми, работающими в управленческих структурах ТЭК разного уровня, они почти никогда не встречались, а имеют периодические контакты с рабочими на буровых станциях. Последних они называют «вахтовиками», «буровиками», «рабочими». Обычно оленеводы продают или выменивают у них рыбу, оленье мясо на другие продукты или бензин (такие сделки нелегальны, но они распространены в тундре). При этом ненцы никогда не помнят, как зовут вахтовиков, не интересуются, откуда они, чем конкретно занимаются. Когда после рассказа о гибели оленей вблизи буровой я поинтересовалась, известно ли, рабочие какого предприятия были виноваты, хозяин чума ответил, что он не запомнил и не хотел запоминать, потому что для него это неважно: *«Нас это не касается. На буровой всегда много народу – 50–100 чел. Всех не запомнишь»*. Вахтовики для оленеводов – люди из другого, чуждого и совершенно непонятного мира, в тундре они временные пришельцы, поэтому не для чего устанавливать с ними личные сколько-либо длительные контакты, узнавать и запоминать имена. По отношению к ним распространена не личностная идентификация, а групповая, они безымянные и безликие, лишены индивидуальных качеств.

Для ненцев представители промышленных предприятий – временные жители на их родной земле: *«Они свое возьмут и уйдут, обо всем забудут»*. От вахтовиков исходит потенциальная и реальная угроза природе. Ненцы полагают, что

стало меньше рыбы, исчезли дикие олени, потому что по тундре проложены трубопроводы и дороги, во многих местах стоят буровые. *«Предприятия ТЭК загрязняют землю. Они не следят за территорией»*. По словам информантов, еще не так давно «дикари» – дикие северные олени – доходили до р. Мессо, а сейчас их нет, потому что зимняя автодорога перерезала пути их миграции. Единственный позитивный сдвиг, который оленеводы связывают с бурением в тундре, – исчезновение волков. *«Из-за шума, который часто бывает на буровых станциях, волков не стало, они ушли»*. Причем о таком факте говорят скорее негативно – предприятия ТЭК настолько загрязнили природу, что даже волки не выдержали. Среди вахтовых рабочих немало любителей охоты и рыболовства, которые занимаются браконьерством, что также воспринимается отрицательно.

Большой ущерб «буровики» наносят пастбищам. К сожалению, нередко случаи утечки разного рода химреагентов на буровых станциях. Такие ситуации вызывают у оленеводов обеспокоенность и тревогу, так как многие химикаты имеют соленый вкус, который нравится оленям. *«Олени бегут на соленое. Лижут ягель с химией, а потом болеют и умирают. У важенок потом слабые оленята рождаются, а слабого теленка могут собаки или комары заесть, он погибнет... Однажды на буровой олени наелись и отравились. Погибли 8 совхозных голов и 6 личных»*. Оленеводы вынуждены менять маршруты перекочевок, места стоянок. *«Мы стараемся подальше от буровых держаться... Мы не касаемся туда, где буровые, так как олени туда побегут и наедятся всякой химии. Потом погибнут»*. Помимо беды от химического загрязнения, из-за некачественной рекультивации почвы по тундре начинает распространяться песок, сокращаются ягельники. *«После газозавиков остаются песчаные карьеры. Песок по тундре разлетается. Олени едят ягель с песком, у них от этого зубы портятся, а потом желудок. И олени гибнут»*.

По словам тазовских оленеводов, самая большая проблема, с которой они столкнутся в ближайшем будущем, – нехватка пастбищ, которые отторгаются под промышленные нужды. *«Пастбищ не будет – оленей негде пасти. Их придется забивать. А не будет оленей, люди работу потеряют. Плохо будет»*. Следует признать, что на сегодняшний день традиционное природопользование северных народов трудно совместимо с освоением нефтегазовых ресурсов. Эти два типа хозяйственной деятельности легко сосуществуют на сопредельных территориях, но не могут ужиться

на одной и той же. И сами оленеводы, и руководители оленеводческих хозяйств, и общественные деятели признают, что проблема земли является ключевой для коренных малочисленных народов Севера. Прежде всего, это связано с тем, что для них, живущих за счет оленеводства, рыболовства, охоты, земля является основой самобытной культуры жизнеобеспечения. Не случайно среди «этнических законов», касающихся жизнедеятельности коренных народов, ведущее место и на федеральном, и на региональном уровне принадлежит тем, которые регулируют права по землепользованию и использованию природных ресурсов. Сами аборигены болезненно воспринимают любое вторжение на их земли. Именно соперничество в сфере землепользования лежит в основе негативной оценки представителей ТЭК.

Работники компаний наделяются рядом отрицательных характеристик. В представлениях ненцев, они часто выступают как лгуны, обманывающие коренное население. В ходе опросов мы всегда задавали вопрос об отношении к строительству трубопровода, при ответе на который часто звучало: *«Все равно обманут. Так уже было». «Говорили, что не будут строить трубопровод «Ямал», а уже работы ведутся». «На общественных слушаниях говорили, что будет одна труба, а теперь две». «Они все втихаря делают. Мнение наше спросили, и все на ветер».* В таких словах очевидно не только недоверие по отношению к промышленным компаниям, но и безнадежность, неверие в то, что можно изменить ситуацию.

Аналогичные мотивы в высказываниях звучали и по отношению к перспективам решения с помощью предприятий ТЭК самых острых социальных проблем коренного населения – безработицы и жилищного вопроса. *«Когда газ открыли, говорили, что будут брать рабочих из местных. А там сейчас очень мало кто работает. Было соглашение с Ямбурггазодобычей и администрацией, там было так написано. А толку – нет. Сейчас я никому не верю». «Лукойл» обещал трудоустроить, но не взяли на работу, сказали, что стажера нет. Хотя обучали. Формально они свои обязательства выполнили: набрали группу, обучили. А трудоустроили людей с земли, им так выгоднее – не нужно платить северные надбавки. «Транснефть» то же самое обещала, а не сделала».* Аналогичные ответы, что «все равно обманут», мы слышали и при разговорах о перспективе строительства в поселках нового жилья на средства от добычи газа и нефти. Ненцы не верят в возможность решения жилищной проблемы. Лейтмотивом

высказываний являются слова: «Говорят одно, делают другое».

Чужаки всегда опасны, от промышленников исходит угроза традиционному для них образу жизни в тундре. Оленеводы боятся перспективы переселения в поселок. Они опасаются потерять привычную работу, так как не имеют другой профессии, образования: *«Если всех в поселок перевести? – Плохо это, работы там нет. Как жить?» «Мы в поселке не сможем, тундра – наш дом».*

Опасения быть в очередной раз обманутыми, тревога за будущее семьи в случае утраты возможности заниматься единственно привычным делом – пасти оленей и таким образом обеспечить будущее своим детям дополняют образ чужаков. От них ненцы не хотят получать ничего. Поэтому так категорично и звучали высказывания многих информантов об отказе принимать какую-либо материальную помощь и негативное отношение к компенсационным выплатам за утрату пастбищ. *«Пусть землю оставят. А прожить мы можем сами. Наши прадеды так жили, и мы проживем». «Компенсации нам не нужны. Компенсациями оленей не прокормишь».*

«Чужие» бывают агрессивными, способны к насильственным действиям. У ненцев-тундровиков распространены представления о том, что газовики, обладающие огромными материальными средствами и ресурсами, могут добиться получения разрешения на освоение разными способами, не только обмануть, но и запугать, принудить поставить подписи, так как оленеводы робеют перед чужаками, неуверенно чувствуют себя в присутствии уважаемых «начальников», боятся бумаг. Нередко в словах информантов звучало неприятие самой идеи нефтегазового освоения Севера – *«Толку от газа и нефти – никакого. Как жили в старину, так и живем. За границу обеспечиваем, а нам ничего это не дает».*

Итак, в представлениях ненцев-оленеводов работники промышленных компаний – это «чужие». Они оцениваются жителями тундры как чужаки, временные пришельцы, посягающие на их пастбища – основу жизни оленей, а значит, и оленеводов с семьями. Именно последнее обстоятельство, на мой взгляд, лежит в основе их негативного восприятия. Они часто обманывают, их невозможно прогнать из тундры, они уничтожают местную землю и ничего не дают взамен.

«Иные чужие». В последние десятилетия состав жителей районного центра – поселка Тазовский – становится все более и более «интернациональным». Как и в других регионах РФ, здесь появ-

вились мигранты с Кавказа и Средней Азии, на стройках работают турецкие строители. Люди в тундре осведомлены об изменениях в этническом составе поселка. И хотя они посещают Тазовский только два раза в году (в ноябре и апреле, когда оленеводы сдают мясо, закупают продукты, проходят медосмотр), сталкиваются с выходцами из далеких краев. Приезжие с Кавказа заняты преимущественно в торговле, владеют магазинами, кафе, а среднеазиатские гастарбайтеры трудоустроены в жилищно-коммунальном хозяйстве. Тундровики оказались осведомленными о сферах занятости мигрантов. *«Кавказцы торговлю держат. Их много стало. Много магазинов в Тазовском у них». «Таджики улицы убирают. Они все вместе живут. Много-много народу в одной маленькой комнате. Спят вповалку». «Ногайцы наркотиками торгуют. Они как цыгане».*

Естественно, что для оленеводов эта категория людей другая – чужая, непонятная. У них другой образ жизни. Несмотря на то, что живущие в чумах ненцы не могут похвастаться просторностью своего жилища и не имеют мебели, их удивляет, что таджики спят на полу в одном помещении. Еще большее изумление вызывают традиции чужаков. *«Кавказцы купили в совхозе оленя. Им было нужно для их обряда. Так они прямо на глазах у ненцев перерезали ему горло. Так нормальные люди не делают. Ужас – столько крови много было, долго текла. Люди стали возмущаться. А им хоть бы что. Им не жалко животных, они же мучаются, когда им горло перерезают».* Не берусь судить, какой из способов забоя животных менее мучителен: ненецкий – удушение или кавказский – резание. Важно то, что оленеводы на основании этой отличности отказывают пришельцам в статусе «нормальных людей», их удивляет обилие пролившейся на землю крови.

«Иные чужие», как и газовики, обманывают местное население. *«Сначала людей привлекают – продают дешево. Потом, когда люди привыкли к магазину, они поднимают цены. Так было в магазине «Экспресс», где мы отоваривались».* Они агрессивны. *«Мусульмане насильно обращают людей в свою веру. В исламе много насилия».* Их много, и они растут в численности: *«Один придет, а потом все остальные за ним». У них всегда так».* Высказывается опасение, что в перспективе «иные чужие» будут распространяться дальше на ненецкое жизненное пространство – тундру. *«В Таркосале есть азербайджанцы. Их там много. И все больше становится. Скоро они и в тундру пойдут».*

Как видим, «иные чужие» воспринимаются как пришельцы, численность которых увеличива-

ется, они повсеместно расселяются, не исключено, что придут и в тундру, от них невозможно избавиться, они способны обмануть, им нельзя доверять, они не стремятся уехать на родину, а намерены закрепиться на Севере.

«Свои чужие». В мировосприятии ненцев обширные пространства северных тундр имеют свои границы. В годы советской власти в сознании населения укоренились представления о распределении земель по сельским советам. Сейчас это границы поселений, по которым называется тундра: поселок Находка – Находкинская тундра, поселок Гыда – Гыданская и т.д. Соответственно, и обитатели этих территорий в просторечии именуется находкинцами, гыданцами.

Совсем недавно, всего 2–3 года назад, оленеводы из самой северной в Тазовском районе Гыданской тундры появились в Тазовской. По словам информантов, их «приманил» новый глава сельскохозяйственного производственного кооператива «Тазовский», который устроил на работу одну оленеводческую бригаду из Гыды. Вскоре оленеводы-частники¹, приписанные к Гыданской сельской администрации, стали зимой прикочевывать на территорию Тазовской тундры. Тазовские ненцы объясняют их появление нехваткой пастбищ, отсутствием возможностей для сбыта оленины: *«Там же приезжих нет, одни местные. У всех свое мясо. Кому можно продать? – Некому».* К этому информанты добавляют: *«На Гыдане продукты дорогие, дров нет, так как кругом голая тундра».* С последним природно-географическим отличием связываются странности в поведении гыданцев, которые якобы «боятся заходить в кусты», так как пугаются, поскольку не видели у себя никакой растительности, кроме травы и ягеля. Летом они боятся выходить из чума из-за комаров, потому что в Гыде комаров летом не бывает.

Риторика мигрантофобии тазовцев основывается на боязни быть вытесненными с пастбищных угодий, которыми сами они пользуются без законных оснований, так как в Ямало-Ненецком округе только оленеводческие предприятия имеют юридически признанные права на оленины пастбища. Семьи «личников» – а им в районе принадлежит оленины больше, чем предприятиям – практически никаких официальных прав на пастбища не имеют, ведут выпас, по сути, нелегально. Отсюда страх быть изгнанными и потерять часть пастбищ из-за притока оленеводов из соседней тундры.

¹ Оленеводы-частники или оленеводы-личники – семьи оленеводов, которые ведут самостоятельный выпас животных в тундре, они не работают на оленеводческих предприятиях и не являются членами общин.

«Гыданские сюда приходят, где мы оленей пасем, где наша земля. А я им ничего сказать не могу, т.к. у нас официально пастбищ нет, они и нагледуют». Открытых конфликтов в тундре между оленеводами из разных сельских администраций не было и нет. Однако информанты высказывают опасение, что, если гыданцы будут продолжать приходить на их земли, то ситуация может перерасти в конфликт

Тазовские оленеводы сетуют на бесхозяйственное отношение соседей к природе, которые допускают потравы ягельников: «Когда после гыданских приходишь на место – там все исковеркано. В этом году весной я хотел стать на реке на отел, а там гыданские зимой были, они все растоптали. Пришлось мне менять место. После них на стоянке остается черная земля». Сложность отношений с соседями усугубляется тем, что «пришлые» портят именно отельные – весенние – пастбища, которые особенно дефицитны в тундре. Оленеводы для отела обычно выбирают защищенные от ветра места с ранними проталинами. Таких пастбищ в тундре всегда было немного, а из-за интенсивного изъятия земель под промышленное освоение их стало еще меньше. Не случайно во избежание конфликтов они распределяются под контролем руководства оленеводческих предприятий.

По отношению к соседям-гыданцам в разговорах информантов прослеживаются мотивы зависти: «У них падеж оленей маленький, так как корма в их тундре много, освоения нет, нет буровых. Летом в гыданской тундре хорошо – прохладно, комаров нет».

Гыданские, несмотря на то, что они – ненцы, все же «иные». Они отличаются по одежде («чуть по-другому шьют»), образу жизни. «У гыданских грязно. Рядом с их зимней стоянкой проехать – там вонь стоит. Не убирают, не моются». «Они зимой дрова из-под снега копают – увидят, что кустик из-под снега торчит, начинают копать. Печку они почти не топят, так как дров мало. Чай приготовят и все, не варят больше ничего». У них даже олени другие: «Гыданские олени везде едят, даже там, где растоптано. Мои, где растоптано, есть не будут». Отличие со «своими» ненцами проявляется и в том, что у «гыданских семьи большие. У них детей помногу. Из-за этого им уже земли не хватает, они к нам идут». Информанты обращают внимание на характер: «Они наглые, вороватые. Однажды украли на буровой что-то и на нас свалили вину, а люди потом на нас думали. Вахтовики же нас не различают».

В целом вырисовывается нелицеприятный образ гыданцев: посягают на пастбища, их невозможно изгнать с территории, уничтожают пастбища – главный ресурс оленеводов, воруют, увеличиваются в численности. Эти характеристики имеют ключевые сходства с чертами, присущими другим «чужим».

«Иные свои». Поселковые. В этнологических исследованиях уже давно обращается внимание на неоднородность современных аборигенных сообществ Севера, в их составе выделяется группа так называемых поселковых – представителей коренного населения, которые живут в поселках и не заняты в традиционных отраслях хозяйства. Для самих «поселковых» традиционные отрасли не выглядят привлекательным видом деятельности, они не хотят, чтобы их дети работали в оленеводстве, поскольку в этой отрасли и заработная плата низкая, и труд тяжелый. В беседах с ними на вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы ваши дети пошли в оленеводство?» – часто можно услышать ответ: «Нет, так как нет заработка, сильно тяжелый труд. Дети уже не хотят, да и не умеют». Отмечалось и то, что «дети уже не поедут в чум. Не хотят жить так».

Окружающее население воспринимает «поселковых» как маргиналов, давно и окончательно порвавших с традиционным образом жизни и не нашедших себя в других сферах деятельности, а потому самых бедных и неблагополучных. Многие респонденты говорят о том, что аборигены не хотят работать, много пьют, что они давно оторвались от традиционной культуры, у них нет перспектив сохранения своей этнической самобытности. К сожалению, основания для формирования такой оценки «поселковых» ненцев есть.

Оленеводы в тундре не воспринимают «поселковых» негативно. Для них они «свои», хотя в чем-то и «иные». Их инаковость связывается с оторванностью от тундры, оленеводства, что влечет за собой утрату родного языка и забвение традиций. Типичными можно считать оценки: «Поселковые как русские. По-русски говорят. Не живут как ненцы, по-русски живут»; «Поселковые языка и обычаев не знают». Родители-оленеводы высказывают опасение по поводу того, что поселковые обижают их детей в школе-интернате. «Когда поселковых в школе обижают, они своих родителей приводят. Это плохо, мы же не можем привести родителей, они у нас в тундре». Некоторые видят опасность жизни в поселке для своих детей в угрозе распространения наркомании. «В поселке наркотики появились. Мы боимся за детей, потому и забираем из школы-интерната».

Вместе с тем многие оленеводы, не имеющие жилья в поселке, хотят его получить, оформляют документы и встают на очередь, хотя осознают, что без постоянной работы вряд ли смогут жить там. Поселок одновременно и притягивает, и пугает.

Отмечу, что на отличия между «тундровыми» и «поселковыми» ненцами обращают внимание учителя в школе-интернате, ненцы по национальности. Типичными были следующие высказывания: *«Поселковые и тундровые отличаются. Чем? – трудно сказать. Они – другие». «Тундровые более нравственные, так как они придерживаются обычаев. А поселковые – маргиналы, они разболтанные». «Тундровые дети послушнее, организованнее. Они хорошо рисуют. Все любят физкультуру. Математику многие не любят. Поселковые хуже учатся».*

Рыболовы. Аналогично поселковым воспринимаются оленеводами рыболовы. В Тазовском районе имеется довольно многочисленная группа рыболовов-ненцев, трудоустроенных полностью или частично на рыбозаводе (ООО «Тазагоррыбпром»). В отличие от постоянно кочующих по тундре оленеводов, рыбаки меняют место жительства 3–4 раза в год, доставку на места лова обеспечивает предприятие. Обычно рыболовов с их семьями перевозят на баржах. Большая часть их живет с семьями в традиционных ненецких чумах,

хотя и более «благоустроенных» (у них есть телевизоры, больше и разнообразнее утварь), некоторые проживают в балках или типовых домах, построенных предприятием. Про них оленеводы не высказываются, что они «как русские», ибо быт рыболовов мало отличается от оленеводческого, большинство рыболовов, хотя и говорят дома по-русски, не забыли ненецкий язык. «Тундровики» считают, что хотя *«рыбацкая работа и тяжелая, но легче, чем в оленеводстве, так как им не надо часто кастать (кочевать)».* «Они стоят возле Губы, ловят рыбу, потому что с оленями трудно. Потом они рыбу продадут, водку купят, напьются. А потом все сначала».

Как видим, «иные свои» лишены у оленеводов характеристик, которыми наделяются «чужие», «иные чужие», «свои чужие». Они не рассматриваются как чужаки, они не посягают на землю и ресурсы, не лгут. Если по отношению к разным категориям «чужих» у ненцев-тундровиков прослеживается ксенофобский дискурс, то «иные свои» воспринимаются положительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколовский С.В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 389 с.